

Сергей
Конов

ЧАГАНКА

В полночь отправляется поезд из тупикового, затерянного в таёжных предгорьях Риддера. Беспокойная старушка, усевшись на нижней полке, напряжённо поглядывает на проходящих с сумками пассажиров, ожидая, что вот-вот её попросят освободить понравившееся ей место. Проводница, проверяя билеты, успокаивает Анну Ивановну, что до Усть-Каменогорска её точно никто не потревожит. Поезд трогается, оставляя позади небольшую платформу вокзала и сына старушки, прощально машущего сквозь мельтешащую круговерть начинающейся метели.

— Сын заранее брал билет, а они в одну душу: «Только верхняя полочка». А как туда старуха забираться будет — никто не подумал. Рублёвое место досталось, — жалуется она своей юной соседке, студентке, что едет в Барнаул на учебу.

— Я бы с вами поменялась, но у меня тоже верхняя полка, — студентка расстилает матрац и, застелив его простыней, с лёгкостью запрыгивает на свою полочку.

Старушке хочется поговорить. Она достаёт из сумки съестное, раскладывает на полотенчико свои дорожные припасы, отчего кругом распространяется запах домашней еды.

— Айда, внуча, к столу, — приглашает старушка свою юную попутчицу, но та, стеснясь, отказывается.

Полужинав, Анна Ивановна застилает постель и, не раздеваясь, ложится спать. Но сон не идёт к ней, беспокойные думы одолевают. Она присаживается к столу и смотрит в мутное ночное окно.

Под редкими фонарями населённых пунктов видно, как разыгралась метель.

— Забуровело. Ветрюга бузует. Не приведи Господи в такое время в степи оказаться, — тихо, чтобы не разбудить попутчицу, бормочет старушка. Девочка всё слышит, но некоторые слова не понимает, словно они говорят на незнакомом языке.

Наконец старушка задрёмывает прямо у окна, укутавшись в свою горячую шаль.

И не то вспомнился, не то привиделся ей в полудрёме забураненный Чебуркаин. Единственная на всю округу избушка замечена снегом под самую крышу. Метель такая, что свету белого не видно. Бригада лесорубов который час блуждает в этой непроглядной бедовой метели. И там, среди бредущих по пояс в снегу людей, идёт она сама — молодая, красивая и сильная. Одна среди мужиков с заиндевелыми бородами и румяными от ветра лицами. Вот уже второй месяц Аннушка вместе со всеми валит лес, не уступая мужикам в работе. До чёртиков

надоело ей кашеварить и угождать на кухне мужицкому племени: «Распывадили вас бабы по домам, забыли, как голодали? Одному это надо, другому то... Вот идите сами на кухню и готовьте! А я в лес пойду, не хуже вас работать умею». И на следующее утро ушла работать вместе с бригадой в лес, а мужики по очереди стали оставаться на кухне. Не давала себя в обиду Анна. Заметив сальный взгляд того или иного ухаждёра, давала резкую отповедь, чтобы впредь неповадно было. Однажды, она тогда ещё кухаркой работала, ввалился в избу работник из леса, бывший зек. Лукаво посмотрел в её сторону, сослался на то, что голова разболелась. И время выбрал самое подходящее, после обеда, когда все ушли на дальний участок. Сложно было не догадаться, зачем он пожаловал. Анна чистила картошку к ужину. Она нутром почувствовала животную тягу незваного гостя, внутренне напряглась, но виду не подала. А вскоре он сам выдал себя, пытаясь ухаживать за ней торопливо и непристойно. Спокойно дочистила Анна очередную картошину, бросив её в кастрюльку с водой, отчего брызги по столу разлетелись. Нож, крепко зажатый в руке, словно указка, был направлен острием в сторону самоуверенного, выдавшего вида мужика.

– Если ты, Семён Яковлевич, ко мне пришёл, то зря стараешься. Я и пырнуть могу. Иди-ка ты лучше работать!

Лукавая ухмылка слетела с его лица, от прежнего нахальства не осталось и следа. Он попытался сделать вид, будто и впрямь не таил чёрных мыслей.

– Ты чо, Анечка, не подумай ничего такого... – стал оправдываться невезучий ухаждёр, – я маленько полежу на нарах, может, голова пройдёт. – И улёгся на сбитую из дерева самодельную кровать.

Не любили Семёна в бригаде за его надменность и умение увильнуть от работы. А вскоре он крепко уснул, похрапывая во сне. Анна, по своей натуре работающая, вышедшая из большой семьи, не любила лодырей и распутников до смерти. Захотелось ей проучить этого неприятного человека, и больше додуматься не могла своим девичьим умом, как поозоровать, посмеяться над ним. Выгребла из зольника горсть мягкой древесной золы и потрусила спящему мужику на лицо. Словно мягким пером провели по щекам – щекотно стало Семёну, он попытался смахнуть с себя паутину сна рукой и размазал золу по лицу. Спросонья поднялся он раздражённым, искоса глянул нехорошим взглядом на молодую повариху, угрожающе заворчал в её сторону:

– Ты меня, Анька, ещё вспомнишь!

– Иди себе с Богом, Семён Яковлевич! – проводила она его от печи, едва сдерживая в груди весёлый смех оттого, что лицом походил тот на сущего чёрта.

А через полчаса дверь с треском была открыта ударом ноги, и на пороге снова возник Семён с перекошенным от злобы лицом.

– Ты над кем, стерва, смеяться вздумала? – он шагнул в сторону Анны, навострив для драки костлявый свой кулачишко.

Анна, мгновенно наклонившись, вытащила из-под стола кухонный топорик, приподняла его до плеча и шагнула навстречу Семену:

– Только попробуй...

Словно вынесло за порог порывом ветра перепуганного мужичишку. С тех пор он больше не позволял вольностей по отношению к Анне, старался избегать с ней встреч наедине. А вскоре, в другом месте, нашёл он приключение на собственную голову и снова загремел на долгий срок в тюрьму.

В полудрёме, как вживую, виделся Анне Ивановне забураненный Чебуркаин. Бригада лесорубов который час пробиралась сквозь непроглядную, бедовую метель к одинокой, затерянной в глухом лесу избе. Дядька Вениамин Вальтер, старик, валивший в паре с Анной деревья, шёл следом за ней по набитой тропе. В одном месте он притянул бойкую девчонку за локоть и простуженным, хриплым голосом пересиливая гул ветра и сосен, прокричал ей в ухо:

– С тобой, Анюта, и помирать не страшно! На свете кутерьма творится, а ты, неугомонная, веселишься. В кого ты такая боевая?

– В тятю я уродилась! Оттого и радуюсь, что тятя мой сегодня на кухне остался, он что-нибудь придумает, не даст нам пропасть в тайге!

Сквозь вой метели раздался отдалённый звон железки, в которую ударяли молотком. Это отец Анны зазывал всех заплутавших в метели. В той стороне, сквозь ночную муть пробивался едва заметный свет. Аннушкин отец залил большой железный лоток соляркой, накидал туда коры, тряпок и подпалил. Совсем недавно он вернулся с фронта, из-под Берлина. Из самого пекла живым вернулся. Свет зажжёт в крошечной тьме, чтобы вышли к нему люди.

Полная изба набралась в ту ночь: свои лесорубы да ещё бригада из соседнего участка, заплутав в лесу, прибилась к ним на огонёк. Ужин поделили на всех, пили травяной чай, до утра рассказывали истории из жизни, а весельчаки травили анекдоты. Было Анне в ту пору не больше восемнадцати лет.

В четвёртом часу утра в Усть-Каменогорске, на станции Защита старушку потревожили входившие пассажиры. Проводница, проверяя билеты, попросила молодого человека поменяться местами с Анной Ивановной и лечь на верхнюю полку.

Пару часов идёт поезд до границы Казахстана с Россией. Метель взяла в круговую осаду землю. В Шемонаихе, припорошенные снегом, зашли таможенники. Большой беззлобный пес, вынюхивая наркотики, пробежал вдоль всего вагона. Снег, растаяв на его спине, стал похожим на росу. Во втором проходе он стянул с себя эти капли, слегка обдав ими пожилого мужчину в футболке, и побежал по новому кругу обнюхивать сумки.

Вскоре в дверях показался молодой паренёк в форме. Он сел на боковое сиденье, раскрыл на столе дипломат и попросил пассажиров показать документы. Сначала он проверил удостоверение студентки, внимательно сравнив фото на документе с оригиналом, вежливо спросил:

– Куда едете? Цель вашей поездки?

– Еду в Барнаул, на учёбу, в институт.

Он поставил печать и отдал документы девушке. Просматривая паспорт старушки, полусонно смотревшей на таможенника, парень, увидев место рождения, улыбнулся и задал странный вопрос:

– Скажите, Анна Ивановна, и где же ваша Токпура?

Старушка удивленно встрепенулась. Тёплым, родным повеяло от этого улыбочивого паренька. А в душе нежно, словно подснежник на протаянной луговине, всколыхнулось трепетное чувство.

– Давно уж нет моей Токпуры... А ты откуда сам будешь?

– Я из Койтаса.

– Это же всего восемь километров от Токпуры!

Паренёк сочувственно вздохнул, отдал паспорт со свежей печатью и пожелал счастливого пути.

Старушке хотелось поговорить, расспросить земляка. Она была рада хоть самой малой весточке из родимой сторонushки, где прошло её детство. Она пыталась его удержать.

– Как хоть зовут тебя, паренёк?

– Кайрат.

– Приди, сынок, хоть на минутку, поговорим о родине.

Парень пошёл дальше, ему нужно было работать. А старушка села на краю лежанки у прохода, поглядывая в ту сторону, куда он ушел. Ждала, что он придёт, волновалась. Всколыхнул целую волну чувств этот случайный паренёк, разбередил душу. Давно позабытое, самое чистое и сокровенное, что лежало на самом дне души, всколыхнулось и, как чистый родник, поднялось из глубин памяти. Но земляк так и не пришёл.

На российской таможне повторилась проверка документов. Было раннее утро. Солнце, потерявшееся в метельной мути, начинало свой восход. Когда всё закончилось, в вагоне установилась дремотная тишина. Стук колес, однообразный и густой, убаюкивал потревоженных на границе пассажиров.

Зыбкий, некрепкий сон-баюн смежил веки старушки. Из гулкой памяти её тяжелой, но достойно прожитой жизни выплыли не те невзгоды, которых досталось на её долю с лихвой, а чистые радужные берега детства. Снилось ей родная Токпура. А над ней – взгорье, сплошь заросшее марьиным корнем, пламенело от распустившихся цветов. И удивительный, свежий запах разливался в этом сне. И там, вдалеке, по этим цветам, навстречу ей, звонко смеясь, бежала весёлая девчонка и звала ее по имени.

– Анька, Анька, беги ко мне!

И Анька бежала, будто плыла по этому розовому цветочному морю на тот знакомый, родной, но ещё не узнанный, забытый зов. И, как когда-то в детстве, столько лёгкости было во всем теле и силы, что ей казалось, будто она летит над этими цветами навстречу счастью. А когда приблизилась к девчонке, то узнала в ней свою любимую подружку:

– Чаганка ты моя дорогая!

Они обнялись и вместе побежали по лугу, по этим цветам.

Разом припомнилась ей горемычная жизнь своей подружки. Всё, до самого краешка.

Мать у Чаганки рано умерла. Мачеха её не любила, поедом ела девчонку, и отец не мог ничего с этим поделать. Привыкла Чаганка к такой несправедливой жизни, покорно сносила побои. Одно счастье было у неё – вырваться из дома. И тогда она бежала к Аннушке, своей подруге. Вместе они шли купаться на речку или играли с ребятами на улице. А больше всего им нравилось ночевать вместе в маленькой избе у Аннушкиных родителей, когда на полу, укрывшись дерюжкой, они придвигались друг к дружке и полночи рассказывали истории, перемежая речь русскими и казахскими словами. Это было настоящее счастье.

А когда Чаганке исполнилось двенадцать лет, за ней приехали из аула Четубек и, заплатив за неё небольшой калым, увезли с собой. Через год она умерла в тяжелых родовых муках. Степаниду, Аннушкину мать, что лечила всю округу

народными средствами, поздно привезли к роженице. Та, растянутая за руки и за ноги верёвками – так в ту пору помогали в родах – была уже мертва...

В том прошлом для Аннушки не было горя страшнее, чем смерть ее любимой подруги. Ожог остался на душе, словно её раскаленной тамгой припечатали.

Поезд шёл в Барнаул. Всю дорогу мело. Старушка спала в это утро крепко, как никогда, и счастливо улыбалась. Там, в своих снах, она была юной и веселой. Чаганка, крепко держа за руку, вела её по давно забытой тропинке среди марьиных кореньев навстречу рассвету.

ЗАПОЗДАЛОЕ СЧАСТЬЕ

С Николаем Журавлёвым мы познакомились в инфекционной больнице, куда меня привезли на «скорой помощи» с тяжёлым отравлением. За день до меня с таким же диагнозом привезли и Николая. Когда я вошёл в палату, Журавлев лежал под капельницей и, несмотря на свой бледный вид, улыбался и шутил. Он был из тех, кто легко вступает в контакт и быстро сходится с людьми. Мы лежали друг напротив друга через проход, разделённый двумя капельницами. Меня всего колотило, температура не спадала.

– Ты тоже чего-то съел? – спросил он меня.

– Да, вчера в Криюшах, под Аягузом, когда домой возвращались с юга на КамАЗе, съел «гуляш». Мой клиент Фарзали, азербайджанец, в мясе хорошо разбирается, тарелку в сторону отодвинул, а я его не послушал. Сам себя наказал.

– Это бывает. Тем более – жара стоит. А в дороге – это дело обычное, – успокоил меня собрат по несчастью. – Мясом я тоже травился сколько раз... А в этот раз – сроду не поверишь, – и Николай подробно рассказал историю своего отравления. – Живу я на «Огоньке», окна прямо на рынок выходят. А там фрукты на прилавке. У меня окно приоткрыто, чтоб продувало маленько, а то в квартире духотища – солнечная сторона. И мне прекрасно всех слышно, кто, что и почём торгует. И так захотелось мне грушу съесть, я их с детства – страсть люблю! Не поленился, накинул рубашонку, пошёл и купил. Всего одну грушу. Да с таким удовольствием съел её. А через пару часов – свет померк в моих глазах, да так быстро... Только и успел «скорую» вызвать. Дверь открытой оставил, они меня забрали чуть тепленького: давление – девяносто на шестьдесят. Вот тебе и груша!

Заметив, что мне плохо и сейчас не до него, Николай не стал навязываться с разговором, закрыл глаза и вроде как принялся дремать.

В обед нам принесли еду, но есть мне совершенно не хотелось. Я выпил чаю и попросил еще. Николай сидел напротив, не торопясь, двигал алюминиевой ложкой.

– Тоже нет никакой охотки до еды. Безвкусным всё стало, как сама жизнь, – он грустно улыбнулся.

Ему было на вид лет сорок пять. Полное, приятное, очень выразительное лицо, особенно глаза! Поредевший волос на голове. Едва заметная ямка на подбородке. Эти грустные глаза совершенно не гармонировали с его весёлым, улыбчивым лицом.

Кроме нас в палате лежал молодой паренёк, шахтёр. Он, казалось, вообще здесь случайно оказался. Его здоровый вид внушал нам чувство ущербности.

Илья целую неделю провёл здесь один, как в камере-одиночке, и рад был нашему появлению. Он маялся от безделья и мусолил в руках затрёпанную колоду карт, дожидаясь, когда мы его поддержим. Это было единственное развлечение, которое наполняло его больничную жизнь смыслом. Но стоило ему присесть в наш проход и раскинуть карты на табурет между нашими койками, как он тут же проиграл. Паренёк играл в карты ещё хуже меня. Зато Журавлёв знал толк в этом деле и старался незаметно подыгрывать мне. Так до самой выписки паренёк ни разу не отыгрался. Мы же с Николаем нашли отдушину в том, что рассказывали друг другу бесконечные истории из жизни. Бывает такое, встретятся родственные души и не могут наговориться. Так незаметно проходили наши дни, скрашенные теплотой общения.

Первую ночь я спал беспокойно, несмотря на то, что температуру уже сбили. Было душно. В полуоткрытое окно откуда-то издалека доносился крик незнакомой ночной птицы. Шахтёр спал возле окна мёртвым сном, лежа неподвижно, как глыба руды. А Николай всё время во сне что-то говорил. Иногда он плямкал губами, шептал и несколько раз с чувством произнёс женское имя: «Лиля».

Шахтёра выписали через пару дней, и мы остались в палате вдвоём. Об Илье напоминала только замусоленная колода карт, что осталась лежать на его тумбочке.

Николай, как и я, оказался в Риддере приезжим. Он был родом из Зырянска, который я неплохо знал. Жила у меня там родня, и было немало друзей. Те, кого знал, были сплошь драчуны да бабники. Николай тоже идеально вписывался в моё представление об этом городе.

По словам и поведению я понял, что мой собеседник – старый холостяк: и грушу брал только для себя одного, и «скорую» было вызвать некому, по всему видно, что не было в его доме заботливой женской руки. Я не стал забегать вперёд и мучить человека вопросами – времени впереди у нас было много. Хотелось, чтобы о своей жизни он рассказал сам.

По мере того, как самочувствие у нас обоих становилось лучше и мы шли на поправку, байки Николая звучали с каждым разом веселее. А рассказчиком он был бесподобным. Как водится в мужской компании, любят прихвастнуть своими похождениями мужики. Николай рассказал, как чуть не поплатился за своё «бабничество». Без мистики не обошлось.

– Приехал я к сестре своей в Серебрянку. Тогда я жил с одной женщиной, она со мной не поехала. А по соседству с сестрой – вдовушка смазливенькая жила. Молодая, а трёх мужей схоронила. Последний не то бакенщиком был, не то каким моряком – утоп. Вот и стал я к ней наведываться. Не всерьёз. Что мне, жить надоело, что ли? У такой бабы мужья долго не живут. А она, наоборот, решила меня охмурить, скрутить в бараний рог и занять на меня все свои бабьи права. Планов-то её я ещё не знал. А когда уезжал, она только и сказала: «Все равно ко мне вернёшься!» Возвращаюсь я в Зыряновск к своей временной поверенной... Дело к ночи. Она с ласками, а я как мерин подложенный – стыдно до невозможности. Ночь не спал, курил во дворе. Думаю, беда! Вот оно что означало: «Ко мне вернёшься!» Едва до утра дожил, на самом раннем транспорте в ту Серебрянку поехал.

Захожу к той змеюке, а она же ещё меня упрекать кинулась, мол, нечего было уезжать. Навозюкать пришлось. Кто я ей – муж, жених или с три короба набе-

щал чего? Говорю ей, а сам аж зубами скриплю: «Возверни мне мою мужскую возможность и силу, иначе я тебя тут же порешу! Потому как ты, никчёмная баба, троих, законных, мужиков уже извела, а сколько незаконных, этого никто не знает». Услышала она мой скрежет зубовный, не на шутку перепугалась, в слёзы кинулась, говорит, что это бабка Лукерья её надоумила и устроила. Кричу ей: «Веди меня к этой гадюке Лукерье!» Пошли. А она ещё упирается, эта мужичья смерть. Пришли в холупку какую-то. А там, действительно, чертовка! Оказалось, что она напакостить только может, а вернуть здоровье обратно – нет! «А кто может?» – спрашиваю. Говорит эта ведьмища, что в округе нет таких никого. В этом самом месте я хотел их обеих задавить – раз мне выхода нет, то и им незачем белый свет коптить. Видят, что я опять зубами заскрежетал, в слёзы кинулись. Тут же эта Лукерья припомнила, что есть бабка Ворогушиха, сильная знахарка, только она живет в Бухтарме.

– Да хоть на Луне! – обрадовался я.

На прощание говорю им: «Ставьте за моё здоровье свечи и молитесь, а иначе несдобровать вам обеим. Я ваш змеюшник живо разьерошу!»

Ворогушиху я отыскал в тот же день. Старушка оказалась приличная, даже очень симпатичная, несмотря на возраст. В молодости, видать, шибко красивая была, от мужиков, наверно, колуном отбивалась. С виду и не подумаешь, что непростая она. Спросила только: «А откуда узнал про меня?» Рассказал. Она говорит: «Мутные они». Но их отношения уже мало меня интересовали. Мне бы, горемыке, молчать в тряпочку, а я вроде как комплимент ей захотел отпустить, говорю:

– Вы, бабуля, по всему видать, красоты были неопиcуемой! Много, наверно, извели нашего племени!

Она зыркнула на меня строго, отвечает:

– Бывало разное, а вот таких, как ты, кобелей близко не подпускала! – и чуть меня не выгнала, так что мне пришлось ещё извиняться.

– Ты, мать, на меня не серчай! От такой беды я обзлѐнным стал на всю женскую армию.

– Да разве это беда?

– А как не беда! Самая настоящая. Куда мне в таком виде!

– Ну, раз беда, то помогу. Стариков омолаживаю, чего ж тебе-то не помочь.

Она помолчала и добавила:

– Только выдержишь ли? Не испугаешься?

– Ради такого дела я даже в космос готов полететь!

– Ну, тогда айда!

Повела меня бабка в избу, посадила на табурет в кухоньке лицом к печи, а сама прошла в тѐмный угол. Комнатушка у неё игрушечная, развернуться негде. Достала какой-то воды и давай шептать. А я только обрывки фраз слышу: упоминала она там и «булатный дуб», и «весѐлую птицу петуха», и «77 жил» да еще и «турий рог» ко всему. Она дала мне две склянки с наговоренной водой и говорит:

– А теперь дело за тобой. Нужно найти быка-производителя. В полнолуние соскрести ножом немного роговицы с его рога в каждую из склянок. Уйти, не оглядываясь. А это уже самое сложное. Тебя будут звать, пугать. Главное – не оглядывайся! Когда станет совсем невмоготу – оставь одну склянку на земле и уходи. А как «они» от тебя отвязнутся, умойся из другой.

Я-то думал, быки будут меня гонять... А там совсем другое дело было. Поехал я в ближайший совхоз, где производители имеются. В полночь соскреб я у быка с рога немного роговой пыли в склянку, как бабка говорила. Бык чуток на меня обсердился, хотел в темноте боднуть, но я успел выбраться из загона. Вот когда я стал уходить, тут-то всё и началось! Сначала прямо за спиной жутко завывала собака, потом вроде как бычий топот почудился... Мурашки по спине от страха, а оглядываться нельзя! Это ещё терпимо было. Вслед за быками человеческий голос стал звать на помощь. Но и это было не самым страшным! А вот когда моя покойная матушка по имени меня окликнула... Вот тогда я встал, как вкопанный. Ноги окаменели, сердце колотится. А материн голос так и зовёт: «Коленька, сыночек мой, разве ты уйдёшь от меня, не увидев меня, журавушка мой...» Так она в детстве меня звала. Этот родной материнский голос я не мог перепутать ни с кем! Тут у меня ноги подвернулись, и я упал на колени. Но не оглянулся! Вспомнил Ворогушихин наказ про склянку и оставил её на том месте. Никогда я в жизни ни во что не верил, а тут взмолился, как мог: «Господи, помоги мне, грешному!» Тут и сил прибавилось, и нечисть отступила.

С Божьей помощью и вышел я оттуда. Умылся бабкиной водой из другой склянки и в тот же день вернулся в Зырянск. За это время много чего произошло в моей жизни. Женщина, с которой я тогда жил, исчезла из моей квартиры, прихватив с собой часть моих вещей. Сила моя мужская опять ко мне вернулась, за что я не раз добрым словом вспоминал бабку Ворогушиху. В благодарность за это выслал я ей посылку со всяким добром. А вот с женщинами стал с той поры осторожней.

– Да, Николай, честно признаюсь, такого я ещё не слышал.

После ужина мы долго еще разговаривали, лежа на своих кроватях. Он задремал на полуслове, не дорассказав мне очередной интересной истории. На улице стояло полнолуние. Бледный мёртвый свет сквозь незашторенное окно падал на лицо Николая, отчего оно казалось неживым, словно сделанным из воска. Тень ветки тополя, как серая гадюка, легла в проходе между нашими кроватями. Мне не спалось, то ли от полнолуния, то ли от рассказа моего собеседника. Душная, неживая тишина висела в нашей палате и за окном. Лишь изредка Николай, переворачиваясь с боку на бок, скрипел пружинами койки. Во сне он несколько раз произнёс имя «Лиля». До раннего утра по нашей комнате бродил лунный свет.

Николай обычно вставал раньше меня. Давняя привычка работы на заводе приучила его к дисциплине и раннему подъёму. Из палаты нам не разрешалось выходить. Поэтому мой товарищ по несчастью, надев очки, читал журнал, оставленный в палате кем-то из больных, что были здесь до нас. Он не шумел, лежал на аккуратно застеленной кровати, дожидаясь моего пробуждения. Стоило мне открыть глаза, Николай тут же откладывал, как ненужную вещь, зачитанный журнал и для поднятия настроения придумывал какое-нибудь новенькое приветствие.

– Подъём в палате номер шесть. Будь здрав, боярин.

Я тоже отвечал что-нибудь весёленькое в ответ. Мы завтракали. Я напоминал, что вечером последний рассказ моего собеседника был прерван крепким сном. И он продолжал его дальше. Больше всего меня теперь интересовала та женщина, имя которой он с чувством произносит во сне. Не могла ничего не значащая,

посторонняя женщина накрепко запечатлеться в мужском сердце. Тем более в сердце старого холостяка.

– А кто такая Лиля? – ненавязчиво поинтересовался я: захочет – расскажет, а нет, ну что ж, на нет и суда нет, как говорится.

– А ты откуда знаешь? – встрепенулся он.

– Так ты каждую ночь во сне её вспоминаешь...

– Вот и выдал себя, – с посветлевшей улыбкой произнес Николай и неторопливо поведал мне свою сердечную тайну. – Лилия – особая женщина. Единственная. Такая женщина бывает только раз в жизни. Богом данная. Я влюбился в неё так, что «туши свет». А тогда, в молодости, если б мне кто сказал, что со мной произойдёт такая история, я бы ни за что не поверил! Она родом отсюда, из Риддера. А к нам, в Зыряновск, её направили после института. Там и познакомилась. С полгода с ней встречались. Такие отношения у нас сложились тёплые, дружные. Не поверишь, мы с ней, помнится, ни разу не поругались за всё это время. Дело уже к свадьбе шло. Пригласил я её в ресторан, было у нас на площади тогда кафе «Садко». Сидим, разговариваем, радуемся друг другу – нам никто и не нужен, хорошо с ней. А тут эти двое за соседним столиком. Крепкие ребята. Выпили, расхрабрились, и понесло их. Сначала захотели с моей Лилей потанцевать. Я им отказал. В общем, пошла драка. Одного я уложил тут же, возле столика. А второго догнал на выходе и так дверью шарахнул, что обе ноги ему переломал. За это мне дали четыре года. Я Лиле сразу сказал: «Ты меня не жди! Незачем жизнь свою ломать. Четыре года – немало. А ты молодая и красивая. Найдёшь себе». Одним словом, нагрубил я ей, чтобы разорвать все отношения. Раз моя жизнь не удалась, что ж, теперь и Лиликину жизнь испоганить что ли... Слишком она дорога была для меня!

Николай печально глядел в раскрытое окно, вспоминая свою не совсем удавшуюся жизнь. В нём ещё саднила боль пережитого, не отпускала из сумеречного прошлого. Мне показалось, что мой товарищ не все договаривает, ведь прошло двадцать лет, и за это время любая рана может затянуться. А он до сих пор по ночам повторяет имя любимой женщины. Это больше походило бы на сумасшествие.

– А ты с ней больше не встречался?

Мой вопрос вывел его из задумчивого оцепенения.

– Да! Через много-много лет, совсем недавно, – Николай снова преобразился, лицо посветлело: – После тюрьмы я решил уехать из Зыряновска, чтобы мне ничего не напоминало о прошлом. Риддер мне пришёлся по душе. Опять же, город моей любимой женщины. Как я выяснил через знакомых, Лилька к той поре уехала на север. Так что я даже не хранил надежды её увидеть. Сам я не женился, потому как достойной женщины не встретил. А месяц назад случилось необычное. Мы с Лилей столкнулись в дверях магазина. Обнялись как давние друзья. Я глазам не мог поверить, думал, что в этой жизни мы уже не встретимся. Насмотреться не мог я на свою ненаглядную Лильку. От неожиданности разговор получился какой-то взбалмошный, неуклюжий, что ли. Будто трясущимися руками пытаешься связать нитку, а она не связывается. И вдруг Лилия меня поразила в самое сердце: «А ты не хочешь познакомиться с дочкой?» Я рот открыл от удивления: «Дочкой? Чьей дочкой?» А она смеется: «Твоей! Ты же сам говорил, что в Зыряновске из мальчишки вырастет драчун и бабник... Так что я родила дочь. Как ты хотел! А зовут ее Катерина Николаевна

Журавлёва». Оказывается, ещё в том злополучном ресторане она хотела мне сказать, что находится в положении. Только не успела, так всё быстро закрутилось. «Конечно, хочу!» – обрадовался я. Катюша, дочка моя, сильно на меня молодого похожа, мой у неё характер. А Лиля моя замуж так и не выходила, искала меня в Зыряновске, запросы туда посылала. А оно вон как получается! На днях они должны с севера приехать, переезжают домой, ко мне. Мне бы дома их дожидаться, а я вот грушей этой отравился не вовремя. Встречу их, с Лилей сразу распишемся, чтобы все по-людски было. И заживем семьёй, за всю свою бобылью жизнь наверстаю радости.

На следующий день нас выписали в одно время. Я торопился домой к своей семье. Николай спешил навстречу своему запоздалому счастью.

КАТОК

Эти детские воспоминания неожиданно нахлынули на меня совсем недавно, когда я в очередной раз переболел ангиной. Все виды простуд, к которым я был весьма восприимчив с ранних пор, изматывали меня до такой степени, что я не раз находился на грани жизни и смерти. Стоило мне немного выбродить ноги или попить холодной воды, как я вскоре чувствовал колющий шар в горле и мучительную боль.

Моя матушка работала в нашей деревенской больнице медсестрой. Она давала мне таблетки, разводила мне всякие растворы для полоскания горла, но они не помогали. Когда поднималась температура, мама растирала меня спиртом и укрывала одеялом. А в дальнейшем сразу стала делать мне уколы, антибиотики, потому что больше ничто не могло мне помочь. За зиму я болел раза два, а то и три. Старший брат Вовка считал меня «дохляком», переживал за меня и в это время жертвовал в мою пользу за жарки плова и пропускал свою очередь, когда нужно было облизывать скалку с толчонкой. Но аппетита у меня не было. Я лежал и болел по-настоящему. Брат играл с друзьями на улице в хоккей, я слышал их весёлые крики. Но мне было не до игры. Мама делала мне уколы. Отец что-то бурчал под нос, переживая за меня. Я лежал под двумя одеялами, меня то знобило, то бросало в жар.

В первый раз каток появился примерно на третий день моей болезни, когда я в жару метался по кровати, находясь где-то на меже этого мира и того.

Дело в том, что летом возле нашего дома, который стоял на окраине села, вели трассу. Ровняли дорогу, насыпали гравий, раскатывали асфальт. Много всякой техники работало возле нас. Мы с братом бегали смотреть на работу этих машин. И даже когда окончили делать трассу и угнали всю технику, почему-то оставили возле дома каток, которым закатывали асфальт. Был он жёлтого цвета и отличался от всех других машин своей мощной неповоротливостью. Потому каток казался мне железным монстром. Его осенью всё же забрали, и я о нём совсем забыл.

Возможно, я бредил. Для меня уже не существовало метели или солнца – всего, что творится в большом мире за окном. Я их не помню. У нас в доме не было межкомнатных дверей, и потому можно было увидеть через дверной проём наш зал, к которому я лежал головой. Не помню времени – на улице было ещё

светло – повеяло страхом со стороны зала. Я повернул голову и к своему ужасу увидел его. Большой жёлтый коток медленно двигался в мою сторону. Он нарастал всё больше и больше, приближаясь ко мне. Махина напирала всей своей стальной мощью на дверной проём, за которым на стене лепился электрический выключатель. Мне казалось, что у меня есть маленький шанс – не попасть под этот коток в том случае, если он не заденет выключатель. Мгновение отделяло меня от неотвратимого момента. Коток тяжело и медленно нарастал. Он проходил по самому краю выключателя, в нескольких сантиметрах от моей кровати, а затем исчезал в стене. Казалось, вместе с ним меня покидала невероятная тяжесть, наступало облегчение. Слева, возле ноги, из небольшого магнитофона, появившегося неизвестно откуда, начинала играть музыка, которую я раньше не слышал. Я ощупывал рукой то место, откуда раздавался звук, но ничего не находил. Он исчезал так же незаметно, как и появлялся.

После этого видения болезнь начинала отступать. Я постепенно выздоравливал. Поднимался на ноги и выходил на улицу. Там играли в хоккей брат Вовка с друзьями. Светило яркое солнце. Ослепительно блестел снег. Мир играл своими невыразительными зимними красками. Я возвращался к жизни и до новой простуды забывал свое кошмарное видение.

В марте 2022 года отмечают:

90-летие

Ельтай БИМАХАНБЕТУЛЫ, *поэт, драматург*

80-летие

Касымхан БОТАНОВ, *поэт*

Илахун ЖАЛИЛОВ, *поэт*

Аян НЫСАНАЛИН, *поэт*

Аскербек РАХЫМБЕКУЛЫ, *поэт*

70-летие

Куаныш ЖИЕНБАЙ, *прозаик*

60-летие

Муратбек ОСПАНОВ, *поэт*

Кали ОМАРОВ, *литературовед*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

